

ГРИГОРІЙ САВИЧ СКОВОРОДА

СВІТ ЛОВИВ МЕНЕ...

Художник Олександр Ройтбурд

Харків
«ФОЛІО»
2022

[Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Убуждшеся видеша славу Его

Весь мир спит да еще не так спит, как о праведнике сказано: «аще падет, не разбьется»... Спит, глубоко протянувшись, будто ушибен об нея. А наставники, пасущи Израиля, не только не пробуживают, но еще поглаживают: «спи, не бойся, место хорошее, тего опасатся?» Глаголюще мир — и несть мира. Блаженный Петр с товарищами своими! Господь сам пробуживает их: где вы поживаете? Встаньте, говорит, тогда уже не бойтесь. Колотит сих погребенных и Павел: встань, де, мертвец, и воскресни от мертвых... Потоль ты землю будешь и не преобразишя от нея во Христа, пока не увидишь светлаго небснаго человека; и о сем-то речь будет. «Убуждшеся видеша славу...»

Фамар, невестка Иуды, сына Иаковля, показала ему блудницею. Не познал ея затем, что закрыла лице свое, но по справкы узнал и сказал: оправдася, Фамар, паге мене. Таким же образом и сыны Израилевы не могли смотреть на блистающее славою лице Мойсея, человека Божия. А на что-жь они смотрели? На покрывало только одно, затемняющее лице. Какой-же ты Израиль? Обрезан ты по телу, да не обрезан по смыслу. Тма твоим очам сносна, а на истинну смотреть не терпишь, лежишь на земле, кагаешся с сею твоею блудницею и доволствуешся, отвращая око твое от отца твоего, ругающеся отцу и досаждающее старости матерней, как говорит Соломон; а не видно птенцов орлях, чтоб выклевали тебе тое. Так и нынешняя подлость христианская, и таким тожно оком смотрит на своего вожда Христа. Где он родился? От коих родителей? Сколко жил на свете? Как давно? Две-ли уже тысячи лет или не будет?... О христианине! Окрещен ты по плоти да не омыт по смыслу. Загем ты вперил твое любопытство в этии плиоткы? Для тего вышше не поднимаешся? Здесь думаеш и заснуть, тут шалаш построить с Петром, не ведый еже глаголаше. Не слышишь-ли, что такое и твой Мойсей говорит: «покры срамота лице мое — вот для тего не могут мене братья мои видеть. Чужд бых сыновом матери моея». До сих пор-ли ты не смыслишь, что это вся плоть и ничто, и тень, покрывающая высогайшую премудрости гору? И сия завеса должна в свое время вся раздратись... Вот лицемерие, лице небесе разсуждающее! Род лукавый и пре-

любодейной, плотскаго знамениа ищущий! Вот кваснины угения фарисейского! Но послушаймо, как угит Христос наедине любезных угеников, как познавать, что есть истинный человек, то есть Сын Человек или Христос — все то одно. Кого мы глаголют... Слушай, Петре, как подлость думает, что есть человек? Знаю, что они ошибаются. А ты как думаеш? «Ты еси сын Бога живаго». Хорошо Петр, попал, видно, что он сквозь пустую плоти занавесу проницал. Для того-жь ему и истинный человекеский сын говорит: блажен еси, Симоне, с твоим оком; оно не смотрит на плоть и кровь, как подлое понятие, но, минуя плоть и кровь, находит другой род, род истинный, род Израилский, род Отца Моего, иже не от похоти... Слушай, христианине, с твоим языгескым сердцем! Долго-ль тебе лежать на земле? Будешь-ли ты когданибудь человеком? Не будешь для тего? Для того, что на плотскую занавесу засмотрелся, а на лице истиннаго Божиего человека смотреть никак твоему оку нетерпеливно. Не преобразишя ты из земнаго в небснаго потоль, поколь не увидиши Христа, потоль, поколь не узнаеш, что есть истинный человек. А что жь есть истинный человек? Не продереш глаз потоль, поколь плоть и кровь твое сердце держать будет. Но долго-ль будет держатся? Поколь не признаешся, что твоя плоть и кровь ничто. Твое собственное сюда завело тебе мнение: от славы своей низрыновенны быша, лишены славы Божия... Наугились мы братью нашу судить по плоти: так и на Христа смотрим, одни только пустоши на нем примечая, не на самага его, не на славу его смотря. Правда, что Павел говорит: преобразит тело смирения нашего, во еже быти ему сообразну телу плоти его. Не спорю, но так-ли ты смотришь на Христа, как Павел? Он хвалитя: не вем по плоти Христа... вем (де) человека, прошедшаго небеса..., созданаго по Богу в правде и преподобии истины. Сего-то он человека для Ефесчан похваляет. Истинною не бывала плоть никогда: плоть и ложь все одно, и люблящий сего идола сам таков-же, а когда ложь и пустош, то и не человек. Слышал ты книгу родства истиннаго человека, сына Давидова, с(ына) Авр(аамля)? Иаков роди Иуду, Иуда роди Фареса от Фамары и прогая. Знай же, что сия книга вечная книга Божия, книга небсная и не содержит она

никого кроме Израильского рода: «не соберу соборов их от кровей»... Сего рода и наш Христос. А что род Израильский не умирает, слушай Иоиль: «яко же утро разлиются по горам людие мнози и крепцы; подобны им не быша от века и по них не приложится до лет в род и род». Если-б можно до их лет, что ни есть приложить, имели-б они конец; но теперь они всему на-всему сами суть концем; не конец то, после того нешто еще следует, но сей род сам всему концем. Остаток не в языках: остаток Израилев есть и один остаток спасается, а прочее все мимо тегет: «унигижатся языцы, яко вода, мимо текущая...» А что Иоиль тогню о роде Израильском сие говорит, слушай Мойсея, человека Божия, Христу сродного, с Христом беседующаго: «блажен еси, Израилю, кто подобен тебе, роде спасаемый от Господа? Защитит помощник твой, и меч хвала твоя, и солжут (то-есть ошубутся и не узнают) тебе враги твои и ты на выю их наступиши». Видишь, что судящий Израиля по плоти, зрящий на одну внешность смирения Христова («во смирении его суд его взятся...») есть враг Христов из числа тех, коих Павел называет врагами Креста Христова, а в Моисеевых сло-

вах метем наименованного, который у Иеремии всю плоть опустошает.

Продеримо-ж, о мертвая тень, глаза наши и заобычное к плотской тме око наше принаравливаймо, возводя потихоньку в гору смотреть на Израиля, на истиннаго человека, минуя плоти покрывало. Вот нас спящих на земли пробуживает Павел: «вышних ищите горняя мудрствуйте! пошто о стихиях стязаетесь? Егда-же Христос явится, живот ваш, истинный живый человек и вы явитесь в славе». Пробуживает и Иеремия вот как: «пошто мы седим? Совокупитесь и внидем во грады тверды и повержемся тамо... (а тут) ждахом мира и не бяху благая...» О истинный, нетленный Израильский Боже, блисни светом твоим на нас столко, сколько может по крайней мере око наше стерпеть, да, пошов воспеть лица твоего и нечувствительно в новое преображаясь, достигнем во всерадостное и самаго последняго волоса нашего воскресение. Тебе слава с твоим

Человеком и святым Духом.

АМИНЬ

Да лобжет мя от лобзаний уст своих!

Любезными учениками, не бойтесь, поднимайтесь дерзновенно к тому, на которого лице не могли вы за ужасом смотреть на Фаворе. Слушайте, что говорит! Дерзайте! Мир вам! Тогда несносен самой взор вам был, а теперь и слов сладчайших его послушаете, и лобзанием утвердит дружбу с вами вежную. Умейте только приблизиться к нему. Не забывайте никогда наставляющего вас просвещенного Ангела слов: несть, zde! Воста! Сии слова простесенько вас доведут к славному истинному человеку. Сей есть воскресение и живот ваш.

Состарелся Авраамов сын; захотелось ему умереть, да и не дивно: уже его очи притупились; нигдево не мог видеть zde в мире нашем. Приготовливаясь к смерти, пожелал пищи. Удовлетворил душе его второй сын его. Благодарствую сын! Приблизился ко мне, говорит, и облобызай мя. И приблизився, лобыза его. Щаслив Исаак! Он под Исавом нашол Иакова. А мы напротив того под пеленами Израилского младенца, под плащеницею Христовою часто находим неприятеля Израилева Исаву. Сей с нами витается и лобзается. Не смыслим, как исхать. Многие ищут его в единонагалствях Кесаря Августа, во временах Тибериевых, во владениях Пилатовых и прогая... Поищи поискуснее: несть zde! Многие вологаться по Иерусалимах, по Иорданах, по Вифлеемах, по Кармилах, по Фаворах, нюхают между Эвфратами и Тиграми; тут-то Он, конегно, думают; вот! вот! Зде Христос! кричат и другим: zde Христос! Знаю, кричит Ангел: Иисуса распятого ищите. Несть zde, несть! Многие ищут его по высоких мирских гестях, во великоленных домах, во церемониальных столах и прогая... Многие ищут, зевая по всеголубом звездо-носном своде, по солнцу, по луне, по всем Коперниковым мирам... Несть zde! Ищут в долгих молениях, в постах, в священнигых обрядах... Ищут в денгах, в столетном здоровье, в плотском воскресении... Несть zde! Да где-ж он? Конегно-ж тут он, если ветийствовать в проповедях, знать пророгескыи тайны, представлять горы, воскрешать мертвых, раздать имение, мугить свое тело... Но молние-видный Ангел одно им кричит: несть zde! Конегно-ж его нет. Так конегно нет его для тебе, затем, что его не знаеш и не видиш его. Что ж теперь осталось делать? Пасха! востани, Господи! И да разыплются врази твои! и да бежат вси ненавидя-

щии тебе! Поднимайся, возлюбленный Израилю, и ступай от силы в силу!

После победы Аморрейской поднялись сыны Израилескыи против запад. Не мило стало то царю Валаку. Вот, говорит, какысь еще новыи и дивныи люде из Египта вышли и, по горам разливаясь, вышше их поднялись. Что за гудо? Посылает послов к волшебнику Валааму, чтоб род Божий истребить. Пришли послы, объявили цареву волю. Хорошо, сказал Валаам; препогийте-жь zde ночь сию. Не напрасно не велит тебе Ангел исхать zde; видишь, что тут погибают неприятели рода Божия. Пасха! Пришли к Мойсею потомкы Рувимовы и Гадовы. Просят, чтоб он их не переводил на ту сторону Иордана для поселения: весма (де) по сию сторону земля скотопитательна; а у нас скот. Закричал на них Мойсей: братия ваша пойдут на брань, и вы ли сядете ту? И вкую развращаете сердца сынов Израилевых, не переишли чтоб они на землю, юже дает Господь им. За сие что они хотели остатись zde, так разъярился Господь, что заклался если они внидут в землю, обещанную Израилю, кроме Халева да Иисуса Навина, называя zde остающихся людьми ведущими добро и зло, каков знать был Адам, изганяемый из рая. Вот что наделало проклятое «zde!» Пасха! Если введет тебе, говорит Божий Мойсей, Господь твой в находящуюся там за Иорданом за путем западным землю, которая совсем разнится от Египетской, потому что она нагорная и равная, а что еще лучше всего, очи Господа Бога твоего на ней от нагала лета до конца лета, то пожалуй! Пожалуй, пагубою погубиши все языгеское и тленное, даже до последнего волоса, кроме нагатков и первенцов волов и овец ваших; «да не сотворите (говорит) тамо всех, елика вы творите zde днесь, кийждо удобное пред собою. Не прийдосте бо до ныне в покой»... Так, пожалуй-же, послушай Мойсея: не ищи zde в пагубном языгеском тлении возлюбленного человека, истинного мужа, друга, брата и ближнего твоего. Ищи его там; по ту сторону Иордана, за западным, за вегерным путем; не zde, там он, сей нагаток умершим и всему тлению, а инаге облобызаешся с каким языгником. Пасха! Безумный Сомнас (книгогзий) исхал человека по сю сторону Иордана. Что-ж ему Ангел Господень Исаия говорит? Вот что: «что ты zde? И что тебе zde? Ако истесал еси zde гроб и сотворил еси себе на

высоце гроб... Се ныне Господь Саваоф извержет и сотрет мужа, и отимет утварь твою, и венец твой славный, и повержет тя в страну велику и безмерну, и тамо умреши»...

Нещасный книжник! Читал пророков, искал человека; да попал на мертвеца, и сам с ним пропал. Конечно-ж он искал меж посланниками Валака царя, на седалище губителей. Посему-то вот что на таковых говорит блаженный муж Иов: «глаголют Господеви — отступи от нас; путей твоих ведети не хотим»... Будут-же яко плевры пред ветром или якоже прах... Да узрят очи его свое убие... И той во гроб отнесен бысть и на гробищих побде. Усладися ему дробное камение потока. Кричит на таковых и другой Ангел Михей (гл. 2, ст. 10): «востани и поиди, яко несть тебе zde покой, нечистоты ради»; истлеете тлением. Видишь ли ты, говорит к третьему Ангелу Иезекилию Господь, видел-ли еси, что сии творят? Беззакония велика дом Израилев творится zde, еже удалятися от святых моих. О беззаконное «zde!» Чего ты наделало? Отвело ты нас от живого человека. Беззаконие, говорит он, пяты моя обийде мя. Подало ты нам пяту его; а не главу его, да облобызает нас. Пяту мы одну видим, порождение змиино. Веселятся, говорит. Человек и скрывают... Да скажи-ж, кто тебе скрывает, сокровище наше? Ах! разве ты, отвегает, не видишь, сколько их в дому Израилевом, в священном писании и что они творят? Сами zde во гробах сидят, и мене туда-жь отаскивают; а я никогда мертвецом не бывал, кроме пяты моей. Мнози борющыи мя с высоты... Попраша мя врази мои... тиши пяту мою сохранят... вселятся (zde) и скрывают воскресение мое. Пасха! Востани, востани, Иерусалиме! Аз есм, аз есм, утешай ты. Разумей, кто-то (есть) Сый?... Идите враты моими, и путь сотворите людем моим, и камение, еже на пути, разместите... И се трус бысть великий, Ангел бо Господень, сшед с небесе, приступль, отвали камень.... Зачем вы тут ищите человека? Несть zde! Воста! Скажи-ж, умилосердись, где он? Нет его в царстве сих мертвеев: Он всегда жив; там его ищите. И ныне что zde есте? Пасха! Востани, востани, воскресни Иер!..

И бысть, егда бяше Иисус у Иерихона и воззрев очима своима, виде человека стояща пред ним... Вот видишь, не напрасно Ангел говорит: тамо его узрите. Да где-жь тамо? По ту сторону (слышь) Иордана, на святом уже месте, не на тленном, на земле нагорной, высокой. Туда-то он воззрев, увидел человека, познал и поклонился ему, владыке своему. Пасха! Востани, востани Сионе... Истрыси прах... Возрев Авраам огима своима, виде место издалече и реге отрокам своим: седите zde со ослатем; аз же и отрогищ поидем до-онде... Видишь, что и Авраам, бросил все здешное, нашол истинного человека на горе, видев день его, возрадовася. Нельзя иметь огей луг-

ших как Авраамовы. Они одни видят овна держимаго рогами в саде Савек, Пасха! Савек знагит хвраслие. Но может-ли хвраслие стоять пред лицем Господным? Оно одно сожигается всеожжением, яко никто же, а человек Исаак цел. Да и как ему не быть целому, когда сам Бог защищаает его ниже да сотвориши ему что!... Виднож, что он не хворост за плегима оставшийся, о котором Исаия: «се вси яко хвраслие огнем погорят...»

А о противных сим хворостякам людах вот что тот-же говорит: «яко-же небо ново и земля нова, яже аз творю, пребывают предо мною; тако станет семя ваше и имя ваше...» Сего-жь то человека и Навин видел стояща, не падающа, но вечно пред лицем Господным пребывающа. Пасха! Востани, востани, Иер... Дал Господь чудодейственный жезл Мойсею, посилает его на освобождение братии своей из Египта; велит Аарону встретить Мойсея. Где-ж он стрегает? И иде, и сrete его в горе Божии, и целовастася оба. По освобождении из Египта братии Израильской, желает видеть Мойсея тесть его. Взял догь свою, жену Мойсееву с двома сынами, поехах в пустыню. Приехал. Донесли Мойсею. О роде благословенный Богом Вышним! Прямо подрались на гору Хорив. Изиде-же Мойсей в сретение тестю своему и поклонися ему, и целова его, и приветствоваша друг друга; и введе их Мойсей в кущу. Пасха! Запрещает найсrojайше Мойсей, дабы мы, идуги от zde тамо, нижево из хворосту не заносили, называя все такое проклятием, идолом и преткновением в царском сем пути. «Вонми крепце, говорит, еже не ясти крове... Да не снеси ю, да благо тебе будет и сыном твоим по тебе во века...» Однако-жь несмысленный и нынешний Израиль гасто ропщет на Господа. И слыша Господь и разгневался гневом и разгореся в них огонь... Нагали желать египетских мяс: добро нам, говорят, было в Египте... Что вы се говорите? Разве у Господа кроме языческих не сищется мяс? И реге Господь к Мойсею: еда рука Господня не доволна будет? Ныне уразумеши, аще постигнет тя слово мое или ни. Часто и наша несмысленная крость в сердце говорит и ропщет на Господа. Фу! Можно-ль, что-б был человек без плоти, крови и кростей! Фу! Что се? Вот гордый и негувственный хворост! Востани, пробуди-ж Сионе! Что ты се плетеш? Кто твою землю трогает? Пуццай она так будет как есть. Дай только Господь тебе благословенное благоволение свое, как Исаия говорит: «а земля твоя вкупе (с новою) населится». Гл. 62. Одно толко то знай, что ты ложь и никто с одною твоею землею. Для того там-же говорится: «несть вам подобен, аще исправшии и сотвориши, Иерусалиме, радование на земли». Ты толко старайся, чтоб из твоей ложной земли блеснула правда Божия. Молися, что-б постиг тебе тот третий день, в котром земля Богом износит былие травное. Разве думаеш, что твоя толко

земля одна, а друга в ней быть не может? Так оставайся-жь здесь при твоей, кушай ея, если мниши, что у Господа нет своей ни земли, ни плоти, ни крови, ни костей, ни чего... Не услышиши блаженнейшаго гласа: се ныне кость от костей моих... «Востани, востани, Иер...», слушай ухом другим о другой плоти. Слышишь-ли: «и процвете плоть моя». Слышишь-ли о других костях... «Возрадуются кости смиренныя. Не утаися кость моя от тебе...» Слушай у притогника: «исцеление костем». Слушай Исаии: «и кости твои прозябнут, яко трава и разбоготеют и наследят роды родов». Видишь, не те се кости, что разсыплются при аде: они пред лицом Божиим суть и се то есть тамо!... «И бысть глас», кричит Иезекииль, «всегда ми пророгествовати, и се трус!» «И совокупляхуся кости, кость к кости, кояждо к составу своему. И видех, и се быша им жили и плоть растяше»... Чти следующее в главе 37: «что се за новый род по горам твоим? Слушай Иоиля: «яко же утро разлиются по горам людие мнози и крепцы; подобны им не быша от века. Яко-же рай сладо-

сти земля пред лицом его, а я же созади (та) поле пагубы... Яко-же вид конскый вид их... Яко же глас колесниц на верхи гор востекут...» Яко же борцы потекут и яко же мужи храбры възидут на ограды... и кийждо от брата своего не отступит. Града имутся, и на забрала востекут, и на храминь възлезут, и оконцами внидут, яко же татие... Вострубите трубою... проповедите целбу... Так пусти-жь их на твою землю сей Божий род; пожалуй не опасайся. Они всяк у своего брата займут квартиру половинную без всякой обиды. Дух Господень на мне... дати плагуущим славу Сиона на место пепела. Что жь се за обида и созиждут синове инородными стены твоя... и на место меди принесу ти золото, и на место железа принесу ти серебро, и на место древес принесу ти медь, и на место камня — железо. Отверзу гробы ваши и изведу вас... Сице землю свою вторицею наследят и веселие вечное над главою их... Светися, светися, Иер.!.. Се тма покрывает землю... на тебе явится Господь и слава Его на тебе узрится.

Наркисс

Разглагол о том:
УЗНАЙ СЕБЕ

ПРОЛОГ

Сей есть сын мой первородный. Рожден в седмом десятке века сего. Наркисс нарицается некий цвет и некий юноша. Наркисс юноша, в зеркале прозрачных вод, при истогнике, взирающий сам на себе и влюбившийся смертно в самага себе есть предревняя притга из обветшалыя богословия египетския, яже есть мать еврейския. Наркисов образ благовестит сие: «узнай себе!» Будъто бы сказал: хочещи ли быть доволен собою и влюбиться в самага себе: Узнай же себе! Испытай себе крепко... Право! Какъ бо можно влюбиться в неведомое? Не горит сено, не касаясь огня. Не любит сердце, не видя красоты. Видно, что любовь есть Софиина дщерь. Где мудрость узрела, там любовь сгорела. Воистину блаженна есть самолюбность, аще есть свята; ей свята, аще истинная; ей глаголю истинная, аще обрела и узрела едину оную красоту и истину. «Посреде вас стоит, его же не весте». Блажен муж, иже обрете в доме своем истогник утешения и не гонит ветры со Исавом, ловителствуя по пустым околицам. Дщерь Саулова Мелхоло, из отгаго дома, сквозь окно, рассыпающая по улицам взоры своя, есть матери и царица всех, шатающихся по окольным пустыням во след безпутнаго того волокиты, кого, как буйную скотину, встретив, загонит в дом пастырь наш. Куда ты бес женет? «Возвратися в дом твой!» Сии суть Наркиссы буи. А мой мудрый Наркисс амурился дома, по Соломоновой притге: «разумыв праведник, себе друг будет». Кто, де, прозрел во водах своая тлени красоту свою, тот не во внешность кую либо, ни во тления своего воду, но в самага себе и в самую свою точку влюбится. «Стези твоя посреде тебе упокоиши». Наркисс мой правда что жжеться, ражжигаясь углем любви, ревнуя рвется, мечется и мугится, ласкосердствует, пегется и молвит всеми молвами, а не о многом же, ни о пустом тем либо, но о себе, про себе и в себе. Пегется о едином себе. Едино есть ему на потребу. Наконец, весь, аки лед, истаяв от самолюбнаго пламя, преображается во истогник. Право! Право! Во что кто влюбился, в то преобразился. Всяк есть тем, где сердце в нем. Всяк есть там, где сердцем сам.

О милая моя милосте, Наркиссе! Ныне из ползущаго гервища востал еси пернатым мотыликом. Ныне се воскресл еси! Погто не преобразился еси в ругай или поток? Погто не в реку или море? Скажи мне! Отвещает Наркисс: не дейте мене, добро бо дело сотвориш. Море из рек, реки из потоков, потоки из ругаев, ругаи из пары, а пара всегда при истогнике, сущая сила и гад его, дух его и сердце. Се что люблю! Люблю истогник и главу, родник и нагало, ветныя струи истогнающее от пары сердца своего. Море есть гной. Реки проходят. Потоки изсихают. Ругаи ищезают. Истогник ветно парю дышет, оживляющею и прохлаждающею. Истогник един люблю и ищезаю. Протгее все для мене стегь, сечь, подножие, сень, хвост...

О сердце морское! Чистая бездно! Истогниге святы(й). Тебе одинаго люблю. Ищезаю в тебе и преображаюсь... Слышите ли? Се что воспеваает орлий птенец, орлия матери Феваидския премудрости! Лицемеры и суеверы, слыша сие, соблазняются и хулят. Во истогник преобразитися? Како могут сия быти? Не ропщите! Вельми легко верующему, яснее скажу, узнавшему в себе красоту оную: «пара бо есть силы Божия и изливание Вседержителя славы гистое». Лучше, де, было ему преобразитися во золото или во драгоценный камень или... Пойдите! Он самое лучшее нашел. Он преобразуется во владыку всех тварей, в солнце. Ба! Разве солнце и истогник есть тоже? Ей! Солнце есть истогник света. Истогник водный истогаает струи вод, напаяя, прохладя, омывая грязь. Огненный же истогник истогаает лучи света, просвещая, согревая, омывая мрак. Истогник водный водному морю нагало. Солнце есть глава огненному морю. Но како, де, могут сия быти: дабы человек преобразился в солнце? Аще сие не возможно, како убо глаголет истина: «вы есте свет миру; сиясть солнце». О лицемеры! не по лицу судите, но по сердцу. Ей! Солнце есть истогником. Како же не и человек Божий солнцем? Солнце не по лицу, но по истогниге силе есть истогником. Тако и человек Божий, истогающий животворящая струи и лучи Божества испускающий, есть солнцем не по сонечному лицу, но по сердцу. Всяк есть тем, где сердце в нем: волгее сердце, есть истинный волк, хотя лице человеге; сердце боброво, есть бобр, хотя вид волгий; сердце вепрово, есть вепр, хотя вид бобров. Всяк есть тем, где сердце в нем. Но лицемеры бодут рогами упорно. Да будет, де, сие тако здраво! Обаге, де, человеку преобразитися в лицо сонцево отнюдь не возможно. Лице, де, и сердце разнь... Право! право судите! и я сужду: отнюдь не возможно. Да и кая полза? Вид бобров не творит волка бобром. О глухих лицелюбцы! Внемлите грому сему: «плоть ничтоже: дух животворит». И сего ли не весте, яко вид, лице, плоть, идол есть тоже и ничтоже? Не весте ли, яко мыр сей есть идол поля Деирскаго? Солнце же истукану сему есть лице его и золотая глава его; и се суета сует! Даниил не кланяется, а Наркисс не любит его. Мыр есть улица Мелхолина, блудница Вавилонска, бесноватое море, а Даниил и Наркисс в горящих сих адских водах узрели любезную свою милость. Кую? Росоносный истогник и истое солнце, как написано: «дондеже дхнет день», сиречь солнце. «Где погиваеши? Яви мне зрак твой». «О блага мудрость есть человеку, паге же видящим солнце!» Благодарение убо блаженному Богу. Сия есть неизреченная Его милость и власть, сотворшая бесполезное невозможным, возможное полезным. Ныне мой Наркисс преобразится во истое, не в пустое солнце. Вопрос от лицемеров: что се? Тако ли в солнце едином два будут сонца? Ответ. А где же ваши уши тогда, когда громгайшею

трубою небеса проповедуют: «в солнце положи селение свое?» Видите, что во золотой главе кумира вашего, мира сего, и во Вавилонской сей пеще обитает и субботствует свет наш незаходимый и не ваше мрачное, но наше солнце прославляется следующею трубною песнею: «истогник исхождаше и напаяше вся». Но оставим, да лицемеры мугатся во огненном их своем озере. Самые же со Израилем да перейдем на ону страну моря, по совету Варухову «кто перейде на ону страну моря и обрете премудрость? Тамо рай» Тамо амураются все узнавшии себе Наркиссы. Се первый встречает нас возлюбленный Давид, воспевая песнь свою! «У тебе истогник живота. Во свете т(воем) узрим С(вет)». Оставайтесь, лицемеры, с наличным вашим солнцем. Мы в дурном вашем солнце обрящем новое и прекрасное оно: «Да будет свет!» «Да станет солнце! и утвердися солнце». Се за стеною и за пределами вашими встречает нас, одеяся светом вашим, яко ризою! Се возглашает к нам: «радуйтесь!» «Держайте!» Мир вам! Не бойтесь! Аз есмь свет! Аз свет сонцову кумиру и его миру. «Жаждай да грядет ко мне и да пьет!»

ЧУДО, ЯВЛЕННОЕ ВО ВОДАХ НАРКИССУ

Скажи мне, прекрасный Наркиссе: во водах твоих узрел еси что ли? Кто ли явился тебе в них?

От в е т. На водах моих восплыло Елисейское железо. Узрел я на полотне протекающия моя плоти нерукотворенный образ, «иже есть сияние славы Отгия». «Положи мя яко пегать на мышце твоей». «Знаменася на нас свет». Вижу Петра вашего гавань: «землю посреди воды, словом Божиим составленну». Я вижу моего друга, друга Исаина сего: «царя со славою узрите, и оги ваши узрят землю издалега». Волшебница плоть моя явила мне моего Самуила. Сего одинаго люблю, таю, ищезаю и преображаюсь. В протгем от египетскаго взглянем на еврейския Наркиссы. Вот первый нас встречает! «Ревнуя поревновах по Господе Бозе»... Вот второй! «Душа моя изыйде во слово твое», то есть, преобразуется. Вот еще тебе Наркиссы! «Се вся оставихом и во след тебе идохом». А Давид не истинный ли есть Наркисс? «Ищезе сердце мое и плоть моя». «Ищезоша оги мои во спасение твое». «Когда прииду и явлюся лицу твоему?» А се не тогный ли Наркисс? «Мыр мне сраспяся, и аз мыру». «Не живу аз, но живет во мне Христос». «Дондеже преобразит тело смирения нашего»... «Желаю разрешитися». «Мне бо жити — Христос, а умрети — приобретение». Как во истогнике лице человеге, так во Исаиних словах будто дуга во облаке, виден сих Наркиссов амур. «Будет Бог твой с тобою присно, и насытишися, яко же желает душа твоя и кости твоя утугнеют и будут яко вертоград напоенный, и яко истогник; емуже не оскуде вода и кости твоя прозябнут,

яко трава, и разботеют и наследят роды родов, и созиждутся пустыни твоя ветвями и будут основания твоя ветвя родам родов, и прозовешися здатель оград, и стезя твоя посреде тебе упокоиши».

РАЗГОВОР О ТОМ: ЗНАЙ СЕБЕ

Лица: Лука, его Друг и Сосед

Лука. Вчера обедали мы оба у моего брата, я и сосед мой — нарочно для воскресного дня, чтоб поговорить о чем либо из Божиего слова. Стол был в саду. Слугай к разговору подали слова, написанныи в беседке, следующие: «Той сотрет твою главу; ты же блюсти будешь его пяту». Слугилися при обеде два ученье: Навал и Сомнас. Они много те слова толочили, по прошению брата моего. Я не поколебимо верю, что священное писание есть райская пища и врагество моих мыслей. Для того окоевал сам себе за то, что не мог никакого вкуса чувствовать в тех сладчайших словах.

Друг. Как же называешь сладчайшими словами, не чувствуя в них вкуса?

Лука. Так как той, кто издали смотрит на райскии цветы, не слышит их духа, а только верит, что дивным каким-то дышит благовонием.

Друг. Слушай, брате. Хотя бы они под самый наш нос дышали, нельзя нам вкуса чувствовать.

Лука. Для чего? Разве у нас головы и ноздрей нет?

Друг. Главы и ноздрей? Знай, что мы целого человека лишены и должны сказать: «Господи человека не имам...»

Лука. Разве же не имеем и не видим у нас людей?

Др. (уг). Что же пользы: иметь и не разуметь? Вкусать и вкуса не слышать?... А если хочешь знать, то знай, что так видим людей, как если бы кто показывал тебе одну человеческую ногу или пяту, закрыв протгее тело и голову; без оной же никак узнать человека не возможно. Ты и сам себе видишь, но не разумеешь и не понимаешь сам себе. А не разуметь себе самого, слово в слово, одно и то же есть, как и потерять себе самого. Если в твоём доме сокровище зарыто, а ты про то не знаешь, слово в слово, как бы его не бывало. И так, познать себе самого и сыскать себе самого, и найти человека все сие одно знажит. Но ты себе не знаешь и человека не имеешь, в котором находятся очи, и ноздри, слух и протгая чувства; как же можешь твоего друга разуметь и ведать, если сам себе не разумеешь и не имеешь? Слушай, что говорит истинный человек тому, кто хочет его снискать и уведать? «Аще не увеси самую тебе, о добрая в женах, изыйди в пятах паств и паси козлица твоя у кущей пастырских».

Лука. Как же? Вид вижу руки, ноги и все мое тело. Друг. Ничего не видишь и вовсе не знаешь о себе.

Лу. (ка). Жесток твой сей замысл и огонь шиповат. Не можно мне его никак проглотить.

Др. (уг). Я видь тебе говорил, что не можешь вкуса слышать.

Лу. (ука). Так что же вижу в себе? Скажи пожалуй!

Д. (руг). Видишь в себе то, что ничто — и ничего не видишь.

Лу. (ка). Замугил ты мене. Как же не вижу в себе ничего?

Д. (руг). Видишь в себе одну землю. Но сим самым ничего не видишь, потому что земля и ничто одно и то же. Иное видеть тень дуба, а иное — самое дерево тогное. Видишь тень свою, просто сказать, пустошь свою и ничто. А самаго тебе отрода ты не видывал.

Лука. Боже мой! Откуда такая странная мысли?... Ты наговоришь, что у мене ни ушей, ни очей нет.

Друг. И да я уже давно сказал, что тебе всего нет.

Лука. Как же? Разве очи мои не очи? и уши не уши?

Друг. Спрошу ж и я тебе. Скажи: пята твоя и тело твое — все ли то одно?

Лука. Пята моя есть последня часть в теле, а голова нагало.

Друг. Так я ж тебе твоим же ответом отвечаю, что сие твое око есть пята или хвост в твоём око.

Лука. А самое жь тогное око, главное и нагальное око, где?

Друг. Я видь говорил, что хвост только свой видишь, а головы не знаешь. Так можно ли узнать человека из одной его пята? А как ока твоего не видишь кроме последния его части, так ни уха, ни твоего языка, ни рук, ни ног твоих никогда ты не видал, ни всех твоих протгих частей, целого твоего тела, кроме последния его части, называемья пята, хвост или тень... Так можешь ли сказать, что ты себе узнал? Ты сам себе потерял. Нет у тебе ни ушей, ни ноздрей, ни очей, ни всего тебе, кроме одной твоей тени.

Лука. Для чего жь мене тенью называешь?

Друг. Для того что ты существа твоего потерял исту, а во всем твоём теле наблюдаешь пяту или хвост, минуя твою тогность и потерял главность.

Лука. Да почему же мои члены хвостом зовешь?

Друг. Потому что хвост есть последня часть; она последует голове, а сама собою ничего не нагинает.

Лука. Мугишь мене, друг любезный. Может быть оно и так, как сказуешь. Но ты, унигтожив мои мнения, своих мыслей не даешь.

Друг. Послушай, душа моя! Я и сам признаюсь, что тогно не знаю. А если тебе понравятся мои мысли, так поговорим откровеннее. Ты видь без сумнения знаешь,

что называемое нами око, ухо, язык, руки, ноги и все наше внешнее тело само собою ничего не действует и ни в чем. Но все оно порабощенно мыслям нашим. Мысль, владычица его, находится в непрерывном волновании день и ночь. Она то разсуждает, советует, определение делает, понуждает. А крайняя наша плоть, как обузданный скот или хвост, по неволе ей последует. Так вот видишь, что мысль есть главною нашею тогкою и среднею*. А посему-то она часто и сердцем называется. И так, не внешняя наша плоть, но наша мысль-то главный наш человек. В ней то мы состоим. А она есть нами.

Лука. Вот! я сему верю. Я заметил, что, когда я — (отселе стану себе Мыслию называть) — на сторону устремился, тогда без мене мое око ничего и самого в близости видеть не может. Что жь оно за-такое око, если видеть не может? Ты его хорошо назвал не оком, а тенью тогнаго ока или хвостом**.

* *Mens cuiusq(ue), is est quisq(ue)*. Cicero. Ум коегождо той есть кийждо. Цицерон. Отсюду у Шевтонов человек нарицается мени, сиречь, тень то есть, мысль, ум; у Еллинов же нарицается муж, фос, сиречь, свет, то есть ум. Прим. авт.

** *Coeci sunt oculi, ubi mens aliquid agit*. Proverbium. Слепы суть очи, буде ум иное деет, сиречь, аще инде устранился. Древняя притга. Прим. авт.

мне меня найшол. Слава Богу! Я теперь очи, уши, язык, руки, ноги и все имею. Потерял я старое, а найшол новое. Прощай, моя тень! Здравствуй, возжеленная истина! Ты будь мне обетованна земля. Полно мне быть работником. Да я жь о сем никогда и не думал. Куда! я люблю сие мнение. Пожалуй! подтверди мне оно. Хочу, чтоб оно было непоколебимо.

Друг. Пожалуй, не спеши! Кто скоро прилепляется к новому мнению, тот скоро и отпадает. Не будь ветрен. Испытай опасно всякое слово. В то время давай место ему в сердце твоём. Я и сам сие мнение несказанно люблю. И желаю, чтоб оно твоим на веки было, дабы в нас сердце и мысль одна была. И сего сладгае быть ничто не может. Но пожалуй же, разжуй первее хорошенько. Потом в радости и в простоте сердца принимай. Будь прост. Но будь при том и бережлив. Если мое мнение тебе нравно, то знай, что оно не мой вымысл есть. Взглянь на Иеремию в гл. 17-й в стихе 9-том.

Лука. Боже мой! Самого тогнаго увижу Иеремию, если мысль его увижу. Но пожалуй тогныи его слова...

Друг. Вот тебе! «Глубоко сердце человеку, паге всех, и человек есть; и кто познает его?» Если теперь очи и уши имеешь, примечай! А чувствуешь ли?

Лука. Чувствую, друг мой. Пророк называет человеком сердцем.

Друг. А что-ж кроме сего примечаешь?

Лука. То, что утаенная мыслей наших бездна и глубокое сердце все одно. Но удивительно! Как-то возможно, что человеком есть не внешняя или крайняя его плоть, как народ разсуждает, но глубокое сердце или мысль его: она-то самым тогным есть человеком и главою. А внешняя его наружность есть ни иное что, как тень, пята и хвост.

Друг. Вот видишь? Уже начинаешь отпадать. Легко ты с начала поверил. Для того стала скоро оскудевать вера твоя. Что вдруг зажигается, то вдруг и угасает. Но твердое дело с косоностию укрепляется, потому что совет не бывает без медленности. Ах! земля прилипчива есть. Не вдруг можно вырвать ногу из клейких, плотских мнений. Они-то в нас вкоренившись, называются поверьем. Плотскаго нашего жития плотская мысль нагалом и истогником есть, по земле ползет, плоти желает, грязную нашу пята наблюдает и бережет око сердца нашего, совет наш... Но кто нам сотрет главу змиину? Кто выколлет вранови ока, вперившеесь в ногу? Кто нам унижит плоть? Где Финеес, пронзающий блудницу? Где ты, между Иеремиин, опустошающи землю?.. Но сыскал Бог мудраго противу мудраго, змия на змия, семя противу семени, землю вместо земли. Рай вместо ада. Вместо мертваго живое, вместо лжи правду свою... Се! Спаситель твой грядет, имея со собою воздаяние.

Зміст

ФІЛОСОФСЬКІ ТВОРИ.	5	Басня 10. Две Куриці	224
Убурждися видеша славу Его	7	Басня 11. Ветер и Философ	224
Да лобжет мя от лобзаний уст swoich!	9	Басня 12. Оселка и Нож	224
Нарцисс	12	Басня 13. Орел и Черепаха	224
Симфония, нарезенная Книга Ясхань о познании самого себе	34	Басня 14. Сова и Дрозд	225
Беседа, нарезенная двое, о том, что блаженным быть легко	65	Басня 15. Змия и Буфон	225
Разговор дружеский о душевном мире	75	Басня 16. Жабы	225
Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире	91	Басня 17. Два ценные камушки: Алмаз и Смарагд	225
Диалог, или разглагол о древнем мире	119	Басня 18. Собака и Жобыла	226
Разговор, называемый алфавит, или букварь мира	127	Басня 19. Нетопыр и два птенца — Горлицын и Толубинин	226
Израилский Змий, или картина, нарезенная: день. Схожа на икону, называемую еллински: Σίληνος Αλκιβιάδου — Пестун Алкивиадов и на Египетскую Льво-деву: Сфинкс	147	Басня 20. Велблюд и Олень	227
Книжечка о ттении священ.(наго) писания, нарезенна Жена Лотова	160	Басня 21. Кукушка и Косик	227
Пря Бесу со Варсавою	173	Басня 22. Навоз и Алмаз	228
Убогий жайворонок, Притга	180	Басня 23. Собака и Волк	228
Диалог. Имя ему: Потоп Змиин	187	Басня 24. Крот и Линкс	228
САД БОЖЕСТВЕННЫХ ПЕСНЕЙ.	205	Басня 25. Лев и Обезьяны	229
Сад божественных песней, прозябший из зерн священнаго писания	207	Басня 26. Щука и Рак	229
БАСНИ ХАРЬКОВСКИЯ	219	Басня 27. Пгела и Шершень	230
Басни Харьковския	221	Басня 28. Оленица и Кабан	231
Басня 1. Собаки	222	Басня 29. Старуха и Горшежник	231
Басня 2. Ворона и Чиж	222	Басня 30. Соловей, Жаворонок и Дрозд	232
Басня 3. Жаворонки	222	ПЕРЕКЛАДИ	235
Басня 4. Голова и Тулуб	222	Ода Iesuitae Sidronii Hosii	237
Басня 5. Чиж и Щиглик	222	Книжечка Плутархова о спокойствии души	238
Басня 6. Колеса часовии	223	Толкование из Плутарха о тишине сердца	239
Басня 7. Орел и Сорока	223	ПРО СҚОВОРОДУ	247
Басня 8. Голова и Тулуб	223	Філософія свободи Сқовороди на тлі українського бароко	249
Басня 9. Мурашка и Свинья	223	Святі отці в Сқовороди	255
		«Symbola et emblemata selecta» у творчості Тригорія Сқовороди	263